

андрей дорофеев
ТАК И БЫЛО

Андрей Дорофеев

Так и было. Книга первая

«Издательские решения»

Дорофеев А.

Так и было. Книга первая / А. Дорофеев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-939943-4

Москва начала «нулевых». Что связывает программиста Кирилла, бандита Димана и загадочного незнакомца без имени, творящего чудеса, но утверждающего, что этот мир — выдумка Автора, приславшего его сюда с загадочной миссией? И кто знает, что в этой истории вымысел, что правда, а что Истина? Первая книга экзистенциальной трилогии.

ISBN 978-5-44-939943-4

© Дорофеев А.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Так и было	8
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Так и было Книга первая

Андрей Дорофеев

© Андрей Дорофеев, 2019

ISBN 978-5-4493-9943-4 (т. 1)

ISBN 978-5-4493-9944-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

© *Андрей Дорофеев, автор*

© *С. Колесников, илл. обл.*

МОСКВА, 2001

Пролог

Москва 2001 года.

На дворе – закат «девяностых». На обломках старого мира буйно расцвела новая постсоветская реальность, со всеми ее плюсами и минусами, практически неограниченной свободой делать что хочешь, и неограниченной вероятностью самому стать жертвой этой свободы. Бандиты уже перекрашиваются в добропорядочных бизнесменов, выпускники технических ВУЗов для дипломных расчетов уже сменили логарифмические линейки и калькуляторы на персональные компьютеры.

На смену кустарной любительской компьютерной сети FidoNet пришла всемирная сеть Internet, но гигантские IT—корпорации еще не захватили мировые рынки и не контролируют сознание людей. Отчасти это связано со слабо развитыми коммуникациями: Wi—Fi уже изобретен, но до внедрения технологии – годы и годы; интернет по выделенному каналу – малодоступная роскошь; веб—серферы используют аналоговые модемы – устройства, позволяющие соединиться с Сетью через телефонные АТС, главным минусом такой технологии являются невысокая скорость соединения и невозможность общаться по телефону, пока линия занята модемом.

Смартфонов не существует. Стоимость мобильных телефонов (их чаще называют «сотовый») и тарифы на связь выдают очень и очень небедных буржуа в каждом счастливом обладателе заветной «трубки» с торчащей из нее антенной.

Из доступных мессенджеров – только сервис SMS (для везунчиков с «сотовыми») и так называемые «интернет—пейджеры» – ICQ, E—Line, QIP и им подобные (для обладателей компьютеров).

Ноутбук практически такая же роскошь, как мобильный телефон, а вот стационарные домашние компьютеры уже доступны немалому количеству граждан. Многие домашние кабинеты щеголяют клавиатурами, тяжелыми системными блоками и еще более тяжелыми 13—или 14—дюймовыми мониторами, больше похожими на маленькие телевизоры с электронно—лучевой трубкой (плоские ЖК—мониторы пока тоже дороги).

На этих компьютерах люди выходят в Интернет, читают первые электронные книги (пока что, впрочем, чаще в виде TXT—файлов) и, конечно же, играют. В числе самых популярных игр – стратегическая игрушка StarCraft, в которой игрок «взглядом сверху» управляет межпланетной борьбой между тремя звездными расами и «стрелялка» Quake, война на уничтожение всего живого от «первого лица», где игрок бежит по мрачным коридорам Ада и отстреливает населяющих их жутких тварей. По нынешним временам – графика отвратительна, но ничего круче на тот момент свет еще не видывал.

Windows уже стала основной операционной системой для пользователей, но отдельные энтузиасты еще работают на Linux и прочих UNIX—подобных оболочках. И термин «мастдай», сокращенное от «Windows must die» еще всем понятен и однозначно воспринимаем, как сленговое название «винды».

В целом, средний обыватель еще далек от цифровых технологий, и это его счастливое неведение сильно упрощает жизнь первопроходцам электронного мира, избавленным от необходимости терпеть такое соседство.

Корпоративного рабства как явления еще нет, хотя многие собственники бизнесов уже пытаются заворачивать гайки в своих конторах в силу собственного разума того, как надо вести бизнес «по—западному».

Не существует явки, хипстеров, гиков, стартаперов, молодых безмозглых чиновников и пожилых премудрых дауншифтеров. Старые субкультуры разжижились, новые еще не родились. Понятие «тренд» еще не в тренде.

Старый порядок советского мироустройства окончательно канул в небытие. Повсюду пульсирует новая жизнь, но какой она будет – еще никто не знает. Люди уже перестроились и живут «девяностыми», но и «девяностые» незаметно уходят.

Это было счастливое время, когда История стояла на перепутье, и каждый из нас вместе с ней мог шагнуть на одну из дорог, выбрать свой собственный Путь.

Так и было

Все события, описанные ниже, являются подлинными и лишь отчасти приукрашенными авторской мыслью. Совпадений с реальными и всем известными фактами нет и быть не может.

Белым шелком закружила мгла...
Д. Озерский

Туман не стелился. Он окутал поле и деревья, скрыл под собой редкие строения, утопил воздух в неподвижной мгле.

157-й полк застыл во мраке.

Велибор шел по расположению части, чавкая сапогами по грязи. Костры не жгли, опасаясь обстрелов. Зябкие тени мелькали во мгле, изредка подсвечиваемые огоньками папирос. Солдаты сидели небольшими кучками, вполголоса переговариваясь. За последние два месяца погода впервые улыбнулась им. Жизнь и смерть застыли в сонливом молчании. Октябрьский воздух дышал теплым паром. Последняя ночь запоздалого бабьего лета продлила многим жизнь еще на одни сутки. В шестистах метрах западнее застыла линия фронта. Еще девятьюстами метрами западнее, по оперативным данным, стояли регулярные части противника. Час назад туда ушел разведзвод.

Вероятнее всего, когда-то здесь располагались временные летние лагеря подготовки десантно—штурмовых бригад, построенные уже после начала войны. Покосившиеся деревянные бараки, частью растащенные на дрова, тут и там сиротливо торчащие среди жухлой травы и мертвого кустарника, поржавевшие остатки нехитрой солдатской утвари, заросшие кострища. По всей видимости, однажды случилась атака с воздуха и ДШБ не стало. Сгнившие бревна были изглоданы плесенью и осколками фугаса. В земле белели человеческие кости, валялось тухлое тряпье, лоскутья рваной кирзы, однажды перемешанные с холодной землей и почти заросшие умирающей уже зеленью.

Голод крутил желудок.

Полевая кухня была потеряна на переправе неделю назад, когда повара, лошадь и телегу с остатками жратвы разбросало по берегу прямым попаданием осколочно-фугасного снаряда.

Два дня назад им посчастливилось отбить у противника две машины с провизией – двадцать мешков поеденной мышами сечки, восемь ящиков тушенки и бочонок водки. Эти два дня бойцы успели покормиться, а сегодня утром была съедена последняя пайка жидкого варева, немного отдающего мясным.

После пятнадцатикилометрового перехода был дан приказ к привалу, и полк расположился на отдых в ожидании завтрашнего боя.

Сгорбленные, изможденные солдаты, обняв отполированные до блеска приклады винтовок, жадно затягивались вонючим самосадом. Сто лет назад потухшие глаза, распухшие конечности, разбитые черепа, опущенные плечи.

Впереди замаячила палатка офицеров. Из—под влажного полога доносились приглушенные голоса. Два лейтенанта и капитан готовились к завтрашнему дню. Велибор знал, чем он закончится для большинства из его бойцов.

– Проходите, лейтенант.

Велибор вполз под хлюпающий брезент. Все уже были в сборе. Капитан заговорил.

– Согласно развединформации противник расположился на том берегу реки, на плоскогорье. Численность – около двухсот пятидесяти человек. За последние шесть дней массиво-

ванного наступления по всей линии фронта вражеские войска были рассеяны и частью дезорганизованы...

Велибор знал, каково реальное положение дел. Обе стороны были измождены двухгодичным противостоянием. За оперативными сводками с фронта стояли откормленные военные журналисты, не приближавшиеся к местам боевым действий ближе, чем на тридцать—сорок километров. Бодрые отчеты тыловых служаек шли передовицами в газеты. Эти ребята получали усиленный паек и медали «За храбрость» и «За верность в служении отечеству». В тылу гремели марши, демонстрации и концерты в поддержку храбрых солдат, разящих врага в пух и прах. В это время люди заживо гнили в окопах. Понос, дизентерия, хронический недосып и постоянный голод. Солдаты забыли, что такое чистое белье, горячая вода и мыло, пшеничный хлеб и сухая одежда.

– Противник не подозревает, что мы стоим под боком. Он ожидает, что после форсирования переправы через Вислу наши войска постараются закрепиться и окопаться на захваченной территории. По его мнению, мы будем подтягивать подкрепление, чтобы не быть отброшенными контратакой назад. Согласно информации из штаба, к разбитым частям армии Хоррса движутся соединения союзников. Через два дня здесь будет ад. Если мы не отобьем у врага возвышенность, нас погонят, как ослов, назад и назад, обратно по щедро политой нашей кровью земле, до самых дальних рубежей и тогда придется начинать все с начала. Если будет кому начинать...

Капитан, кажется, входил в раж. Он был хороший офицер, в бою не прятался в окопах, довольно сносно стрелял и не брезговал есть из общего котла. Была у него слабость – любил много и красиво говорить. Говорят, в юности он мечтал стать писателем, он и сейчас таскал с собой какие-то тетрадки и временами что-то черкал в них. Но семья жила бедно, родители отдали парня в военно—кадетское училище, где ему были обеспечены кормежка и обмундирование, а за год до выпуска грянула война. Вместе с сотнями недоученных ребят их погнали на фронт. Он оказался в числе немногих счастливчиков, которым удалось выжить после первых шести месяцев. Еще через полгода от его роты осталось три человека, и он в чине капитана принял командование здесь. За это время состав роты бесчисленное множество раз менялся, отчасти в результате жестоких боев, но в большей степени из-за той же дизентерии, холеры и бесконечных артобстрелов. Как и капитану, Велибору пока удавалось остаться в живых.

– Подмога идет. Пока же на нас лежит героическая задача – обеспечить плацдарм для дальнейшего наступления. В четыре тридцать мы выходим вперед, и к обеду местность будет принадлежать нам. На нашей стороне – внезапность наступления, растерянность и усталость врага, а также этот туман. Мы подойдем вплотную и ударим. А потом останется только окопаться и ждать, когда подойдут наши.

«Если будет, кому окапываться», – подумалось Велибору. Капитан и сам вряд ли верил в то, о чем он говорил, но деваться ему было некуда. Приказ есть приказ. Конечно, эти три дня они наступали, но рано или поздно это должно было закончиться. Уже полгода земля в прифронтной зоне переходила из рук в руки, а на решительный прорыв с наступлением по всей линии фронта ни у одной из сторон не было сил.

Командиры потянулись к выходу.

Солдаты сбились в кучки, дрожа в предутреннем тумане. Больше всего они напоминали скот перед убоим. Оборванные, измученные бесконечными боями, долгими переходами и ожиданием смерти. Со временем, правда, мысли о смерти уходили, жизнь превращалась в тупое существование – в ничто. Мозг отключался. Даже артобстрелы переживались в молчаливом ожидании, а ведь поначалу ребята делали в штаны и, теряя голову, некоторые «холерики», как называл их капитан, начинали в панике метаться под шквалом фугасов. Те, кого удавалось вовремя схватить и удержать, большей частью выживали, если не случалось прямого попадания в укрытие. Люди гибли как муравьи, потому смерть переставала пугать...

...Когда утренний холод стал почти нестерпимым, бойцы вышли в наступление.

Туман рассеялся, но до рассвета было далеко. Моросил холодный дождь. Солдаты плелись в бой. Люди в изорванных, лохмотьями свисающих ХБ тяжело шагали по раскисшей грязи, волоча на себе мешки с вещами и боеприпасами. Винтовки болтались в озябших руках, негнувшиеся ноги месили ледяной суглинок. Велибор видел это сотни раз. На войне перестаешь думать, что будет потом, ведь никто не знает, что случится через час и даже через минуту. Вот ты есть, а вот тебя нет. Кто не погиб, идет дальше навстречу смерти.

– Давайте, ребятки, скоро все закончится, – пробормотал он себе в воротник.

С холма открыли огонь. Солдаты прибавили темп.

Важно было преодолеть эти метры.

Первые люди рухнули наземь.

А потом завертелось.

Быстро редющий 157-й полк ковылял навстречу смерти, ожесточенно вгрызаясь в воздух горячим свинцом и белым паром. Скорость решала все. Противники сближались, стремясь выбить максимальное количество боевых единиц врага перед лобовым столкновением. Хотелось упасть, найти прикрытие и затаиться. Но остановиться означало смерть. Свернуть означало смерть. Оставалось только идти ей навстречу, надеясь победить её.

Их разделяло менее ста метров.

Человек сорок осталось позади. Среди них был и капитан с лопнувшим черепом. Уже видны были лица солдат противника.

Взвод Велибора накрыл огневую точку. На несколько секунд станковый пулемет умолк, закипела вода в кожухе, и этого хватило, чтобы подобраться ближе и забросать его гранатами. Еще шестеро уже не увидели этого.

Враг смешался. Остатки полка врезались в изрешеченный пулями лагерь.

Вонючий пороховой дым синей пеленой окутал плоскогорье. Поскальзываясь в кровавистой земле и спотыкаясь о трупы, люди втыкали друг в друга штыки.

Еще рывок – и плоскогорье было взято.

Сто семьдесят шесть человек вместе с Велибором вышли из боя. Приказ был выполнен.

Очень хотелось есть и пить.

К вечеру, окопавшись и похоронив мертвых, солдаты расположились на отдых.

Машина завелась с полоборота. С негромким спортивным рокотанием заработал движок, и Диман сорвался с места. Низко прижимаясь к асфальту, BMW ALPINA D10 BiTurbo вырвали со двора и вылетела на Ленинский проспект. Музыка Диман ставил по рекомендации пацанов, в хорошей конторе с диковинным погонялом «Vox Celesta», а потому Миша Круг звучал как никогда задумчиво и четко, будто бы сейчас он исполнял, сидя прямо на капоте перед Диманом. Дела ладились, и это было клево.

Диман видел ментов с жезлами, но это мало его трогало. Когда у тебя «бэха» девятого (то бишь, 1999-го) года с номерами (а «номера» – это когда «о 999 оо»), в кармане ФСОшная ксива, а в бумажнике пачка баксов, загоняться не стоит.

Программа на сегодня была такая: перетереть калачи с Петровичем, потом – качалка и сауна, а вечером – на Красную Пресню к пацанам, в «Доллз» намечались посиделки с телками из агентства Славы Зайцева.

Было теплое летнее субботнее утро, время, когда честные граждане (читай – лохи) отдыхали после недели праведных трудов. Вот, натужно скрипя, старая шестерка попыталась перестроиться в левый ряд и обогнать Димана. Пузатый дядька с толстозадой женой и очкастой дочкой, по всему виду, ехал на дачу в ближнее Подмосковье. Диман с любопытством отс-

мотрел их в открытое окошко, а потом чуть-чуть поддал газу. «Шаха» с резким ускорением переместилась в поле зрения зеркал заднего вида. Диман видел одутловатую красную рожу дачника и готов был побиться об заклад, что на заднем сиденье рядом с вызревающим прыщавым созданием сопел какой-нибудь мопс или болонка. Красота, мать твою, добрая московская семья и все прочее. Диман заржал, а потом взял левее и резко дал по тормозам. Как завизжали тормозные колодки у этого корыта! В зеркале он увидел враз побелевшее лицо добротного отца семейства и так же расцветченную физиономию его слоноподобной супруги.

– Во уроды, а! – радостно прогоготал он.

Нет, день определенно задавался.

Еще газу, еще тормоз. Еще газу, еще тормоз.

«Шаха» дергалась и отчаянно тарыхтела, мужик что-то бормотал под нос.

Ага, не нравится.

Диман вернулся в правый ряд и притормозил так, чтобы сравняться с машиной. Мужик за рулем был белее ваты. Поблескивали в лучах ласкового солнышка дочкины очки.

– Ты че, кабан? – заорал Диман. – Ты куда прешь, мудака???

Будь мужик хамелеоном, наверное крапинкой бы покрылся.

Дядя поддал газу, Диман играючи вновь сравнялся с ним, опасно сблизившись бортами машин.

– Я тебя спрашиваю?

Супруга отсутствующе-отстраненно смотрела вперед.

– Нарожал дебилов!

Мужик растерянно повернулся и как-то беспомощно развел руками, извини мол.

– Ты не крысу свою брюхатую лапай, а на дорогу смотри!

Диман счастливо гоготал.

Семейка понуро скукожилась.

А теперь – вперед!

Взвыл турбонаддув, и Диман навсегда исчез из жизни униженных насекомых.

Диман вылетел на Проспект мира. Петрович жил в Свиблово. Три минуты езды.

И тут что-то глухо треснуло в радиатор. Что-то темное мелькнуло справа.

«Бэха» встала как вкопанная. Диман выскочил из кабины и метнулся к передку машины. Правая фара покрылась сетью трещин, кусок радиатора был вмят и край капота неестественно приподнят. Потом он посмотрел назад. На дороге лежал человек в грязной телогрейке и сомнамбулически загребал воздух правой рукой.

– ... твою мать!

Человек шевелился. Значит, живой. Диман огляделся. Ментов поблизости не видно. Народ заинтересовался было, но, узрев внушительную фигуру Димана, вновь рванулся по своим делам. Диман подошел к лежащему.

– Ты че, бомжара, не видишь, куда прешь?

Судя по всему, виновник торжества мало что мог видеть и слышать. Скорее всего даже, он не понимал где он и что с ним. Он только бессмысленно смотрел куда-то вперед и что-то бессвязно бормотал.

Недолго думая, Диман подхватил его и потащил в машину. Черт с ним с салоном, на станции техобслуживания ототрут.

– В больницу я его везу, – кинул в сторону прохожих.

Народ молчаливо согласился. Да и хрен с ним, с народом.

Брезгливо морщась, Диман открыл заднюю дверь и впихнул мягкое тело в салон. Бомж покорно растянулся на полу. От него исходила жуткая вонища.

Диман резко стартовал. Номера номерами, но машина помята, а в салоне человек покалеченный. Благо до поворота на Свиблово постов нет, а по дороге можно будет его где-нибудь выкинуть.

Да вот только больно много машин вокруг.

К ночи опять спустился туман.

Час назад закончили хоронить солдат, сбросив тела в наспех вырытые братские могилы.

Что-то нехорошее было в ночной тишине. Эта земля была чужая, и все здесь было чужое. Солдаты приумолкли. Дальше ходу не было, назад тоже. Был дан приказ: держать позицию. 157—й полк готовил плацдарм для наступления подходящих войск.

Велибор сидел на обломках разбитого дота и курил. Дым сквозился через пальцы, размазывая желтый никотин по заскорузлой и обветренной руке.

Быстро загустело сыростью.

Как-то так получилось, что Велибор держался особняком, он редко общался с бойцами, только в случае служебной необходимости, да и то говорил крайне неохотно, словно экономя слова. В минуты отдыха он предпочитал быть наедине с самим собой. Война – это что-то омерзительно уродливое, сопряженное с постоянными тяготами пути и постоянным страданием. Единственное, что облагораживает её мрачный лик – необыкновенное чувство сплоченности, рождающееся в людях. Она все меняет. Неважно кем ты был до войны, неважно каков ты с виду. Эти условности исчезают моментально, стоит только влезть в истертую униформу и нахлобучить огромную каску. Это нисколько не походит на образ тех солдат-героев, который рисуется гражданским. Это больше напоминает толпу заключенных. Людей гонят на смерть, и они покорным стадом идут напрямик навстречу верной гибели. Поначалу – это вбитый в подсознании еще в подготовительных лагерях инстинктивный ужас перед послушанием офицерского приказа, который сильнее даже страха смерти, потом это просто привычка. А со временем замечаешь, что нельзя не идти со всеми. Нельзя оставить товарищей под пулями. Когда начинаешь ценить свою жизнь не больше, чем жизнь соседа. Не во имя самопожертвования ради высших идеалов, а просто потому, что ребята не раз подставляли тебе свое плечо и ты знаешь, что иначе и быть не может, и ты самим собой разумеющимся фактом утверждаешься *боевой единицей*. Вот тогда-то некогда хлипкие и не находившие себя в мирной жизни астматичные юноши проявляют чудеса героизма, вытаскивая раненых или даже мертвых товарищей (а то и совершенно незнакомых им людей) из мясорубок полевых сражений, когда и сам, возможно, через мгновение будешь перемешан с землей и останками некогда убиенных, а ныне уже разложившихся людей, ошметки плоти и одежды которых щедро удобряют землю под твоими ногами. Здесь не существует суетности мирной жизни.

Бойцы дивились Велибору. Он не был жесток с подчиненными, он не пытался угодить начальству, при этом он не был ни скромником, ни гордецом. Что вело его вперед? Никто не знал. У него не было друзей, а на войне очень трудно без друзей, пусть и друзей на миг, на час, на день, до тех пор, пока они не останутся лежать в земле, а их место займут другие. А у него их не было. Он мог сутками молчать, не глядя ни на кого. Сидел в одной позе и, казалось, смотрит не перед собой, а *внутрь*. Ладно бы еще писал что-нибудь, были тут такие, у кого просыпалась бездна талантов и, как это бывает у пожизненно заключенных, они с головой уходили каждый в свое. Кто-то музицировал, пусть и ложкой о миску, кто-то сочинял печальные стихи, изводя тонны ценной для измученных постоянным несварением людей бумаги на свои более чем посредственные опусы, а Велибор просто молчал и все.

Однажды они пролежали двое суток в окопах под прицельным огнем и все это время из воронки сотней метров ближе к противнику раздавались истошные стоны раненой кавале-

рийской лошади, настолько страшные, что у бывалых бойцов мороз по коже шел. Она никак не могла умереть, по всей видимости осколком ей пропороло брюхо и она свалилась в воронку, где и лежала, терзаемая непередаваемой мукой. Первый день её почти не было слышно за воем и разрывами снарядов, но когда к вечеру орудийный обстрел начал стихать, её почти человеческое стенание зазвучало очень отчетливо. Часам к трем ночи люди были близки к помешательству. Кто-то пытался высунуться и пристрелить её, но, во-первых, воронка была достаточно глубока, чтобы скрыть её от пуль, а во-вторых, любое движение вызывало плотный огонь противника и не то что приблизиться к ней – просто задержаться снаружи означало верную смерть. С рассветом обстрел вновь усилился, а к вечеру она, мучимая жаждой и болью, почти умолкла. Почти. Её тихие жалобные, похожие на детские, вздохи еще больше резали человеческий слух.

Вот тогда это и случилось.

В какой-то момент в секундной паузе между грохотом разрывов снарядов и мучительными стонами животного люди услышали тяжёлое дыхание ползущего к воронке Велибора. Где-то раздался хлопок, шипение и пространство озарилось неровным красным светом от пущенной осветительной ракеты. И тут же шквал огня обрушился на него.

Тогда он встал и побежал вперед.

Что было дальше, никто не знал. С новой силой завывали снаряды и пули, в окопы посыпалась земля, и все вновь съежились в дрожащие клубки.

Потом все стихло.

В абсолютной тишине прозвучал один-единственный выстрел. Кто-то выглянул из окопа, потом еще и еще. Где-то вдаль виднелись укрепления противника. Там белыми пятнами маячили лица. Руки сжимали винтовки, но никто не стрелял.

От воронки назад к окопам устало шел Велибор, глядя куда-то вперед, за спины оторопевших солдат.

Лошадь больше не стонала.

А Велибор шагал, не видя ничего, опустив плечи и держа в руке дымящийся пистолет, провожаемый безмолвными глазами с той и другой стороны.

Диман свернул с Проспекта Мира и начал заворачивать под мост, потом, чуть не доехав, взял вправо и остановился у придорожных деревьев. Сквозь ветви было видно, как отходит электричка от платформы «Северянин».

Он обогнул покалеченный передок своего авто, открыл заднюю дверь и подцепил бомжа за шиворот с целью вытащить его в близлежащие кусты. Тот был жив и хрипло дышал, роняя тягучие ниточки слюны на резиновый коврик.

– Фу, мерзота, всю машину обгадил...

И вдруг бомж перехватил руку и сжал его кисть. Диман физически ощутил, как трещит лучезапястная кость. От боли, а еще больше – от удивления, трехмиллиметровые волосы Димана встали дыбом, а потом он увидел глаза бомжа.

Противная волна щекотно прокатилась из-за ушей к самому копчику, и Димана захлестнул необъяснимый первобытный страх.

Тяжелый взгляд, казалось, пробил его черепную коробку и раскаленным буром вошел в его мозг.

– Да, ты что-то еще соображаешь.

Голос незнакомца был тих, но властен, и Диман ощутил младенческую беспомощность, ноги его подогнулись, и он плюхнулся на асфальт рядом с открытой дверью.

Железная хватка страшно сжимала его руку, он почувствовал себя кроликом перед удавом. Только бы вырваться... Да только страшно не то что сопротивляться – пошевелиться.

В довершение всего Диман понял, что не может выдавить из себя ни звука. Язык присох к гортани, а голова кружилась.

– А теперь слушай. Да не трясись ты так, доедешь до своего Петровича.

Утренний мужик на «Шахе» выглядел суровым покорителем горных вершин по сравнению с Диманом. Там, где сходились штанины джинсов, было горячо и мокро.

– Ну вот, обоссался. Сейчас весь салон измажешь. Ну да ладно, ототрешь в автосервисе.

Диман мучительно сглотнул.

– Сейчас ты сядешь за руль, и мы поедem.

Ах, только бы он разжал свою клешню. Диман был готов сделать все, что он скажет, только бы его отпустили, только не смотреть в эти жуткие бездонные глаза.

Пальцы разжались.

Секунду Диман смотрел на свою руку, а потом заплакал.

Ему и в голову не пришло бежать. Он был сломлен в одно мгновение.

– Поехали.

Диман пополз вдоль правого борта, не видя вытаращившихся на него и мокрое пятно на его штанах идущих с электрички людей.

– Будь человеком.

Не совсем понимая, чего от него хотят, он вскочил и, стукнувшись коленкой о разбитую фару, вернулся за руль.

Постепенно к нему возвращался дар речи.

– Ч-что вы хотите? Я сделаю все, только не трогайте меня. Вот деньги, вот документы на машину, все отдам, только не надо... – он снова заплакал.

– Что не надо?! Ты мне не нужен и машина твоя не нужна. А теперь успокойся. Ты же серьезный человек. Делай, что говорят и все будет нормально.

«К А К – нормально?» – подумалось.

– Да никак. Никто тебя не убьёт.

Только тут до Димана стало доходить, что *чужак*, а то, что это был не бомж, он уже понял, казалось, читает его мысли. Очевидно, что догадка как-то отразилась на его лице, потому что неожиданный собеседник ухмыльнулся и сказал:

– Да никто твои мысли не читает. У тебя же на морде написано все, о чем ты думаешь.

– А про Петровича откуда узнал... узнали? – выдавил Диман.

– Про какого Петровича?

Ну конечно же! Димана осенило – он так перепугался, что мысли свои принял за голос незнакомца. Однако ужас не отступал. Что-то надломилось в нем.

Да и незнакомец изменился. Борода не казалось уже всклокоченной, лицо приобрело осмысленное выражение, но самая жуткая метаморфоза произошла с его глазами. Они как-то потемнели, взгляд был невыносимо, физически жгучим, а зрачки растворились в черной радужной оболочке, и от этого казалось, что не человек, а пропасть смотрит на Димана.

– Трогай.

Машина поехала.

– В общем, так. Сейчас мы едем по твоим делам, я жду тебя здесь, в машине. Раздобудь скотча, обклеишь радиатор и фару, так можно поехать сегодня по городу, не напрягая гаишников. Потом...

Диман слушал в каком-то забытии, но сквозь пелену страха на его сознание четкими бороздами ложились короткие властные распоряжения неожиданного спутника.

Как во сне, он доехал до Петровича, о чем-то вяло переговорил с ним, потом, сославшись на какую-то болезнь, с его же точки отзвонил корешам и отменил все сегодняшние встречи.

Когда он спустился к машине, незнакомец перебрался на переднее сиденье, выбросив куда-то свою рваную фуфайку, обнаружив под ней старую, но чистую футболку и потертые дешевые джинсы.

Старательно заклеив скотчем разбитый передок, Диман с некоторым трепетом сел за руль, уже покорно подчинившись чужой воле, и повез незнакомца к себе домой.

За всю дорогу они не проронили ни слова. Только один раз незнакомец бесцеремонно залез к нему в нагрудный карман, достал его мобильный и куда-то позвонил, произнося порой какие-то непонятные, но знакомые Диману слова: «процессор», «модем», «провайдер»...

Дальше началось что-то вообще уж невообразимое.

Войдя в его дом как в собственный, незнакомец произнес:

– Ну, с недельку мне придется в твоей халупе перекантоваться.

Диман неопределенно повел рукой. С равным успехом этот жест можно было трактовать как покорное согласие и как робкое недоумение – ведь «халупа» была двухуровневой семи-комнатной квартирой с зимним садом и роскошным камином с остроумно устроенной наружной вытяжкой.

– А теперь давай знакомиться. Звать меня... да неважно как звать, зови ттт. Ты, как я понял, Диман. Сейчас сюда привезут некоторое мое барахлишко, тебе придется оплатить доставку и недельку же попользуешься своим мобильным – домашний телефон мне понадобится самому. Если будешь вести себя спокойно, не пожалеешь. Лучше всего тебе взять пока бюллетень или как там это у вас, у бандитов называется. Иногда будем выбираться по делам. Ближайшие два дня, думаю, машина твоя мне не понадобится, поэтому дуй-ка ты пока в авто-сервис, пусть всё заделают. Я, слава богу, жив-здоров, только вот голову надо чуть подлечить. Так что давай-ка заглянем в холодильник...

Диман уже свыкся со странной метаморфозой в своём сознании, ощущая какое-то гипнотическое воздействие воли ттт. Ничего не оставалось, как плыть по течению. Здесь не он был сильнейшим, значит, следовало подчиниться. Не пугало уже даже то, что, сидя у Петровича, он ощутил – расстояние не ослабляло влияния незнакомца на его сознание, будто его уже запрограммировали и он тупо следовал какому-то алгоритму.

И самым странным было то, что почему-то ему не хотелось освободиться от этого влияния. Наверное, то же чувствовали девицы, которых он менял с причудливым постоянством – им было жутковато, но, чувствуя его животную силу, они теряли разум и готовы были подчиняться ему во всем. Только вот сейчас он оказался на их месте.

– Давай, шагай в ванную, смени портки, попахивают.

Когда Диман вылез из джакузи и вышел на кухню, то застал там ттт, улетающего разогретые в микроволновке тигровые креветки.

– Слушай, дружище, у тебя только водяра тут, а я с утра не надираюсь. Я же честный бомж, – в голосе мелькнула ирония, – так что давай-ка, сгоняй за пивком, тут на углу я видел магазинчик.

– Ка-какого взять? «Миллер», «Хайникен», «Корону»? – уже почти деловито осведомился Диман.

– Вот таким ты мне больше нравишься. Только заикаться перестань. Не съем я тебя. Возьми, пожалуй, «Жигулевского», пару ящиков дотащишь?

...Через пятнадцать минут они сидели на кухне с пивом. Ттт почему-то перебрался на пол, уперевшись спиной в тумбочку и вытянув сухие жилистые ноги по направлению к холодильнику. После двух залпом опрокинутых бутылок к Диману наконец-то вернулся дар полноценной речи, и он сам не заметил, как начался разговор.

– Вопрос можно?

– Валяй.

– Кто вы такой на самом деле? Я что-то въехать не могу...

– А от тебя и не требуется въезжать.

– Ну, я это... в смысле.

– Я это! В смысле! – передразнил его ттт. – Такими деньгами ворочаешь, а говорить не научился.

– Я с кем надо завсегда добазарюсь, – немного обиделся Диман, но тут же примирительно добавил, – договорюсь, в смысле.

– Я, дружок, оттуда приехал, откуда не возвращаются, – загадочно произнес ттт, сделал журчащий глоток и веско присовокупил, – но туда и попасть не каждый сможет.

– А где это?

– Вот этот вопрос абсолютно бессмысленный и бесполезный. Ничего не объяснить тут, хотя сам понять сможешь когда-нибудь, только очень придется помучиться долго с тобой, – вздохнул ттт. – Короче, пока ситуация такая. Я живу у тебя на квартире, ты мне кое в чем помогаешь, дальше видно будет. С делами, как уже сказано, временно завязываешь. Впрочем, это тебе только на пользу, так как Петрович под тебя давно копает, а ребята гольяновские завтра вам праздничек готовят.

Диман даже не заметил как у него отвисла челюсть и вылезли на лоб глаза. Мелькнула странная догадка: а может это из ФСБ мужик, раскололи их, подослали какого-нибудь экстрасенса-гипнотизера. Слышал он жуткие истории, какие у них кадры бывают, он ему сейчас мозги затуманил, а потом всех к ногтю и прижмут...

– И не думай, что я засланец какой. Я сам по себе, а эти ваши все сами по себе. Я бы и не ввязывался, да надо кое-что обустроить, а ты – уж коль скоро под руку подвернулся – можешь помочь. И не забывай, – тут глаза ттт снова стали страшными, и Диман опять превратился в кролика, – что я тебя могу... Хотя это и неважно. И даже для тебя неважно, только ты этого пока не понял.

Пока ттт делал очередной глоток, в воздухе висела напряженная пауза.

– Петрович все равно завтра на машине по пьяному делу расшибется, а с вашими, да с гольяновскими и без НИХ разберутся.

– А кто это – ОНИ?

– Все узнаешь со временем, если очень захочешь...

В домофон позвонили. Диман вопрошающе взглянул на ттт.

– Это барахлишко мое привезли. Открывай.

Когда в квартиру ввалилось трое молодых ребят, таща кипы коробок, Диман обомлел в третий раз за сегодня.

На полу гостиной стояли: системный блок компьютера, пятнадцатидюймовый монитор, лазерный принтер, несколько пачек бумаги формата А4 для печати и куча каких-то непонятных свертков.

Ошарашенный Диман, не пискнув, оплатил кругленькую сумму, указанную в бумажке, предупредительно поданой ему старшим из визитеров и, закрыв за ними дверь, вернулся в комнату, обессиленно рухнув в кресло.

На сегодня лимит его душевных сил был исчерпан.

Солдаты звали его «заговоренный». По какому-то нелепому стечению обстоятельств смерть все время обходила его стороной. Из ада огненных баталий он всегда выходил живым. Задавался ли он вопросом – почему так происходит? Скорее всего, нет. Он просто воевал, берег солдат, выполнял приказы командования. И, казалось, всегда над головой его реял невидимый ангел-хранитель.

Он получал ранения, притом пару раз действительно был на волосок от смерти, истекал кровью, переболел тифом, но всегда снова поднимался на ноги и возвращался в свою часть. Тело его было сплошь покрыто шрамами, он чуть прихрамывал на левую ногу, её однажды переехал танк. Он очень плохо переносил фронттовую кормежку, наверное, даже хуже, чем другие, но и не думал роптать.

Солдаты немного побаивались его, но в душе любили.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.